

Перумов Ник
(Исабел)

(188). 02.04
(срвбр)

РУССКИЙ ФЭНТЕЗЁР

Сказочник Перумов

Архивист и фантас - 2004 - февр. (188)

ПИСАТЕЛЬ Ник ПЕРУМОВ - один из отцов-основателей жанра русского фэнтези. Каждая из его книг, начиная с "Кольца тьмы", расходилась тиражами в сотни тысяч экземпляров. На сегодня совокупный тираж его произведений перевалил за 3 млн. (для русской фантастики это почти рекорд). Хотя последние несколько лет микробиолог Перумов живет и работает в Америке, на родине его любят и читают. На фестивале российских фантастов "РосКон" Перумов был признан "Самым популярным фантастом 2003 г.". В феврале вышла вторая часть новой трилогии Перумова "Война мага" - "Миттельшпиль".

- Вы как-то сказали, что все фантасты вышли из шинели Стругацких и дело лишь в том, куда они потом направились. В какую сторону направились вы?

- "Шинель Стругацких" - весьма емкое понятие. Практически все ныне пишущие и печатающиеся из фантастики в 70-80-е читали прежде всего Стругацких. Не только их, конечно, но Стругацкие были флагманами "новой фантастики", они едва ли не первые дерзнули писать не о телеуправляемых тракторах и кознях злых буржуинов, а о людях - "обычных людях в необычных обстоятельствах". И вот именно эти "необычные обстоятельства" и определяют, в какую сторону "направляется" фантаст. Кто-то строит строго научные модели возможного будущего и шарахается от магии, как от чумы. Кто-то, напротив, создает совершенно невероятные и невозможные с научной точки зрения миры, но, поскольку там нет сакральных "эльфов, гномов и драконов", подобное считается научной фантастикой. Хотя, повторяю, науки там ни на грош. Мне лично всегда не хватало в советской (да и зарубежной переводной) фантастике 70-х ощущения сказки, отрыва от реальности, противопоставления человека и надчеловеческих, божественных сил. Оставался неустребован, с моей точки зрения, богатейший потенциал легенды и мифа - а ведь именно этот язык первым изобрело человечество для отображения волновавших поколения моральных дилемм. Я сам начинал с фантастики - пытался подражать Лему и тем же Стругацким. Пока не попробовал "на вкус" фэнтези и не понял - это мое! Так что, отвечая на вопрос "камо грядеши?", могу сказать - направился в сторону все-таки фэнтези, литературной сказки, где автор ничем не ско-

ван, кроме поставленных им самим условий.

- Почему предпочитаете объемные произведения, эпопеи и сериалы?

- Это чисто личное. Мне нравятся истории с подробностями и продолжениями. Люблю, чтобы был как следует проработанный мир, герои и события. Чтобы мир был не просто сценой в лаконично-шекспировском стиле, а настоящим, с историей, панорамами и всем прочим, что ему полагается. Когда все начинает концентрироваться вокруг так называемой идеи книги (двух-трех фраз притчевого характера) - мне это не нравится. Если весь "смысл" можно вложить в две строчки, зачем писать целую книгу? Мне нравится погружаться в мир, а если это не соответствует каким-нибудь строгим канонам литературоведения, что ж, я пишу не для канонов, а в первую очередь - для собственного удовольствия.

- Как правильнее все же называть ваши произведения: фэнтези или литературная сказка?

- Литературная сказка. Фэнтези - нелепая калька с английского термина, которую, есть грех, я и сам частенько употребляю. Здесь мы вновь упираемся в то, что еще с XIX века литература в России, к сожалению, воспринималась исключительно в аспекте "борьбы за народ". И хотя Пушкин создал "Руслана и Людмилу", а Гоголь - "Вечера на хуторе...", общего жанрового названия для них так и не появилось. Добролюбовы и Писаревы были больше заняты чтением нравоучений авторам да критикой

"отсутствия общественного содержания". Вред, нанесенный этими товарищами, огромен. Наша русская нетерпимость привела к тому, что из фантастики века XIX мы можем вспомнить разве что Афиногенова, "Жарптицу". Да юношескую поэму Некрасова "Баба-яга". Было, разумеется, и еще, но сейчас это известно только специалистам. А потом традиция и вообще прервалась. На долгие десятилетия литературная сказка стала средством "воспитания подрастающего поколения в духе передового советского искусства". И там тоже появлялись шедевры, но они целиком и полностью пропались в нише детской литературы и не были востребованы более старшими читателями. Таким образом, когда пала цензура и стало возможно печатать все что угодно, у нас не оказалось своего русского термина для романа, повествующего о другой реальности, построенной на принципах объективного идеализма. Есть

разве что неуклюжий мутант "роман-сказка", но слово "сказка" в русском языке имеет совершенно иное значение. Не называют же "Властелина колец" сказкой!..

- Ваши американские начальники до сих пор не знают, кто на самом деле русский сотрудник их лаборатории?

- Нет, откуда ж им это знать? Здесь людей подобное не интересует. Частная жизнь за пределами лаборатории священна, и потому о ней ничего не спрашивают. Чем и как ты живешь - твое личное дело. Все, что от тебя требуется, - вовремя приходить на работу и выполнять порученное. Не знаю, может, это и правильно с точки зрения эффективности... но как-то бездушно. Если где и были люди-винтики, так это здесь, в Америке.

- Много ваших произведений выложено в Интернете. Не боитесь, что найдутся желающие воспользоваться свободным доступом к книгам?

- К сожалению, ничего с этим поделать не получается. В принципе это дело издательства, организации, которой я уступил права на тиражирование моих книг, - отслеживать пиратские сайты и добиваться их закрытия. Раз издательство этого не делает, следовательно, не считает, что игра стоит свеч. Конечно, неприятно, когда моим трудом распоряжаются не только без моего ведома, но и наплевав на прямые взывания автора. Но это - цена свободы. Интернет - пока еще достаточно свободное сообщество, и, само собой, в том случае, когда мера свободы индивида не соответствует мере его ответственности, мы и имеем подобные казусы. Ведь так называемые сетевые библиотеки - никакие не библиотеки, где книгу берешь на время и потом возвращаешь. Это места бесконтрольного копирования авторских текстов. Скачавший текст получает его в вечное пользование. И это, конечно, безобразие. Сейчас постепенно начинает разворачиваться цивилизованный рынок электронных книг, но, боюсь, ему будет тяжело подняться при отсутствии четко прописанного закона.

Олег БОРИСОВ

21
МОСКВА
ГОСТИНАЯ